

Нерсисян Руслан Сергеевич

Ученый и исследователь, Автор концепции темпорального
суверенитета и темпоральной метатеории

БФ ОС «Будущих поколений»

Nersesyan Ruslan Sergeevich, Scientist and researcher,
The author of the concept of temporal sovereignty and
temporal metatheory, BS OS "Future generations"

**СУВЕРЕНИТОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЛЬНАЯ НАУКА О МНОГОМЕРНОМ
СУВЕРЕНИТЕТЕ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ГИПОТЕЗЫ
SOVEREIGNOLOGY: AN INTEGRAL SCIENCE OF MULTIDIMENSIONAL
SOVEREIGNTY. CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND HYPOTHESES**

Аннотация. Статья вводит суверенитологию как новую интегральную научную дисциплину, изучающую суверенитет в шести измерениях с темпоральным измерением в роли системообразующего интегратора. Суверенитология обобщает существующие подходы к суверенитету, разрозненные по отдельным дисциплинам, и предлагает единую аксиоматику, основанную на пяти положениях, подтверждаемых историческим опытом. Центральная гипотеза дисциплины состоит в том, что темпоральный суверенитет – способность государства управлять своим временем, ставить долгосрочные цели и защищать их от конъюнктурной ревизии – выступает интегратором всех остальных измерений суверенитета. Вторая гипотеза: утрата темпорального суверенитета (презентизм) является сквозной патологией, ведущей к системному распаду. Третья гипотеза: динамика суверенитета подчиняется Закону сжатия и расширения. Для эмпирической проверки гипотез предложены концептуальная схема Индекса суверенной устойчивости и Индекса негэнтропийного развития, базирующихся на триаде критериев – сложность, упорядоченность, осмысленность. Статья фиксирует текущее состояние дисциплины, формулирует программу дальнейших исследований и определяет условия, при которых гипотезы могут считаться верифицированными или опровергнутыми.

Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Abstract. The article introduces sovereignty as a new integral scientific discipline that studies sovereignty in six dimensions, with the temporal dimension serving as a system-forming integrator. Sovereignty summarizes existing approaches to sovereignty that are scattered across different disciplines and proposes a unified axiomatics based on five principles that are supported by historical evidence. The central hypothesis of the discipline is that temporal sovereignty – the ability of a state to manage its time, set long-term goals, and protect them from opportunistic revision – acts as an integrator of all other dimensions of sovereignty. The second hypothesis is that the loss of temporal sovereignty (presentism) is a pervasive pathology that leads to systemic disintegration. The third hypothesis is that the dynamics of sovereignty follow the Law of Compression and Expansion. For the empirical verification of hypotheses, a conceptual scheme of the Index of Sovereign Sustainability and the Index of Negentropy Development is proposed, based on the triad of criteria: complexity, order, and meaning. The article captures the current state of the discipline, formulates a research program, and defines the conditions under which hypotheses can be considered verified or refuted. The publication of the article invites readers to engage in further discussions with the author.

Ключевые слова: Суверенитология, темпоральный суверенитет, презентизм, Закон сжатия и расширения, Индекс суверенной устойчивости, Индекс негэнтропийного развития, сложность, упорядоченность, осмысленность, межпоколенческая справедливость.

Keywords: Sovereignty, temporal sovereignty, presentism, the Law of compression and expansion, the Index of sovereign sustainability, the Index of negentropy development, complexity, order, meaning, intergenerational justice.

Суверенитет – это одно из центральных понятий политической теории и международного права, потому как на протяжении четырёх столетий после Бодена и Вестфалья трактовался как бинарный юридический факт, в котором государство либо суверенно, либо нет. Боден определил суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства над гражданами, не связанную законами [12]. Гоббс довёл эту логику до предела, провозгласив суверена единственным гарантом безопасности, чья власть не может быть ограничена без риска возврата к войне всех против всех [15]. Вестфальская система 1648 года перевела философскую концепцию в политическую реальность, при котором государство стало суверенной единицей, равной другим, независимой во внутренних делах и не подчинённой внешней власти. Эта модель – суверенитет как бинарный юридический статус, прослужила три столетия [16].

XX век необратимо проблематизировал бинарную рамку. Бреттон-Вудское соглашение 1944 года ограничило монетарный суверенитет подписавших его государств, привязав их валюты к доллару и создав международные финансовые институты, решения которых обязательны для стран-членов [21]. Европейский Союз создал прецедент добровольной передачи части законодательных, монетарных и судебных полномочий наднациональным органам; государства остаются суверенными субъектами международного права, но объём их фактической самостоятельности существенно отличается от классического [22].

Международный валютный фонд через механизм кредитования и обусловленности де-факто определяет бюджетную и экономическую политику стран-заёмщиков, формально остающихся суверенными [47]. Цифровые платформы, возникшие в начале XXI века, осуществляют власть над информационной средой, которая не привязана к национальным юрисдикциям: серверы расположены в одних странах, пользователи в других, решения о блокировке контента принимаются на основе корпоративных политик, а не законов [6]. В каждом из этих случаев государство юридически суверенно, но фактически его способность к самостоятельным решениям ограничена [48].

Практическим ответом на этот разрыв между юридической формой и политическим содержанием стало появление множества отраслевых концептов – «X-суверенитетов» [23]. Энергетический суверенитет описывает способность государства самостоятельно обеспечивать себя энергией. Продовольственный суверенитет – это способность гарантировать продовольственную безопасность без критической зависимости от импорта. Цифровой суверенитет осуществляет контроль над данными, инфраструктурой и контентом в национальном сегменте сети [26]. Технологический суверенитет представляет собой наличие собственных критических технологий и компетенций. Культурный суверенитет проявляется в способности сохранять идентичность под давлением глобализации. Каждый из этих концептов фиксирует реальную проблему и описывает важный аспект государственной самостоятельности, но ни один не даёт ответа на вопрос, что такое суверенитет как целостное явление [34]. Общей теории суверенитета, которая бы связала эти измерения в единую объяснительную рамку, не существует. Этот теоретический вакуум составляет проблему, на которую отвечает суверенитология [28].

Суверенитология – это новая интегральная научная дисциплина, предметом которой является способность коллективного субъекта к самостоятельному существованию и развитию в многомерной среде угроз и возможностей. В отличие от существующих дисциплинарных подходов, суверенитология не сводит суверенитет к одному из его измерений, а изучает его как систему с взаимозависимыми компонентами [31]. Метод суверенитологии – интегральный: дисциплина не изобретает собственный инструментарий с нуля, а собирает и пересобирает методы смежных наук в историко-сравнительный анализ, институциональный анализ, системный подход, анализ временных рядов в единой аналитической рамке [32]. Аксиоматический фундамент суверенитологии составляют пять положений. Они не являются строгими аксиомами в математическом смысле – это базовые утверждения, которые не выводятся из более общих оснований внутри теории, но подтверждаются историческим опытом и принимаются как исходные для дальнейших построений [27].

Аксиома первая: суверенитет многомерен. Государство может быть суверенным в одних измерениях и глубоко несуверенным в других. Можно обладать ядерным оружием и не контролировать собственную валюту. Можно контролировать границы и не контролировать информационное пространство. Суверенитет – это не бинарная переменная («есть» или «нет»), а вектор в многомерном пространстве [29].

Аксиома вторая: суверенитет динамичен. Он не даётся раз и навсегда, а нарастает и убывает, проходит через различные фазы, может быть утрачен и восстановлен. Обладание суверенитетом представляет процесс, а не статус. Статическая модель «суверен – несуверен» является частным случаем, применимым лишь для коротких временных промежутков [30].

Аксиома третья: измерения суверенитета не сводимы друг к другу, но связаны. Нельзя компенсировать полное отсутствие территориального контроля высоким темпоральным потенциалом [24]. Однако до определённого предела возможна компенсация: слабость в ресурсно-энергетическом измерении может отчасти компенсироваться силой в экономическом, и наоборот. Системный характер суверенитета означает, что утрата в одном измерении влияет на все остальные, причём существует порог, за которым начинается необратимая цепная реакция [36].

Аксиома четвёртая: темпоральное измерение является интегратором. Контроль над временем – это способность ставить долгосрочные цели и защищать их от конъюнктурной ревизии – определяет, насколько устойчивы достижения во всех остальных измерениях [39]. Это утверждение опирается на простой наблюдаемый факт: территорию можно вернуть, население восстановить, экономику отстроить; упущенное время не возвращается никогда. Решения, не принятые вовремя, закрывают возможности навсегда [41].

Аксиома пятая: суверенитет подчиняется Закону сжатия и расширения. Это утверждение является гипотезой, сформулированной в рамках темпоральной метатеории и требующей дальнейшей верификации [11]. Закон постулирует, что всякая сложная система существует в ритме чередования фаз расширения (накопление ресурсов, разнообразия, потенциала) и сжатия (фильтрация, структурирование, закрепление достигнутого). Нарушением этого ритма является застревание в одной из фаз и ведёт к патологии и, в пределе, к гибели системы [33].

На основе данной аксиоматики выделяется шесть измерений суверенитета, подробнее в таблице 1.

Таблица 1

Измерения суверенитета

Суверенитет	Ключевой ресурс	Главная угроза	Индикатор
Территориально-пространственное	Граница	Оккупация или сецессия	Эффективный контроль над территорией.
Демографическое	Население	Депопуляция или неконтролируемое замещение	Устойчивое воспроизводство
Ресурсно-энергетическое	Энергия и сырьё	Истощение или критическая зависимость от внешних поставок	Энергетический баланс
Экономическое	Валюта и бюджет	Внешний долг и санкционная уязвимость	Фискальная и монетарная независимость
Информационно-когнитивное	Данные и смыслы	Контроль внешних платформ над информационной средой	Суверенный контроль над критической информационной инфраструктурой
Темпоральное	Время	Презентизм	Горизонт стратегического планирования

Источник: составлено автором.

Темпоральное измерение занимает особое положение. Оно не рядоположено остальным, а пронизывает их все. Темпоральный суверенитет определяется как способность государства управлять своим временем: ставить долгосрочные цели и защищать их от конъюнктурной ревизии [46]. Это понятие опирается на три критерия:

– Первый: наличие долгосрочного Проекта, сопоставимого по масштабу с мобилизационным потенциалом общества.

– Второй: наличие институтов, защищающих этот Проект от ревизии при смене политических циклов.

– Третий: способность соблюдать ритм «проективное расширение – прескриптивное сжатие» [25].

Утрата темпорального суверенитета описывается понятием презентизма, некоего системного доминирования краткосрочных интересов над долгосрочными. Презентизм встроен в институциональный дизайн современных государств через несколько механизмов [35]. Электоральный цикл продолжительностью два-пять лет создаёт для политика объективную заинтересованность в решениях с быстрой отдачей; издержки долгосрочных проектов он несёт в текущем цикле, а выгоды достанутся следующему составу власти [37]. Квартальная отчётность корпораций ориентирует бизнес на краткосрочные показатели. Новостной фон с его фокусом на событиях, а не на процессах, формирует у граждан картину мира, в которой долгосрочные тренды неразличимы [45]. Это наблюдаемые факты, неоднократно описанные в литературе по политической экономии и институциональной теории [10]. Презентизм не является моральным пороком конкретных политиков; это рациональное поведение внутри институциональной среды, которая вознаграждает быстрые результаты [2]. Однако совокупный эффект таких рациональных поведений приводит к иррациональному коллективному результату: общество проедает невозобновляемые ресурсы, откладывает решение инфраструктурных, демографических и экологических проблем, систематически недоинвестирует в будущее [40]. Будущие поколения не голосуют, не платят налогов, не формируют общественное мнение, вследствие чего их интересы не имеют институционального представительства и представляет структурный дефицит всех современных политических систем [5].

Центральная гипотеза суверенитологии формулируется как: темпоральный суверенитет является интегратором всех остальных измерений суверенитета, а его утрата – презентизм выступает сквозной патологией, ведущей к системному распаду [17]. Это гипотеза, а не установленный факт. Для её верификации необходима операционализация – перевод теоретических конструкторов в измеряемые показатели [43]. Суверенитология предлагает концептуальную схему двух индексов: Индекса суверенной устойчивости (ИСУ) и Индекса негэнтропийного развития (ИНР). Оба базируются на триаде критериев: сложность, упорядоченность, осмысленность [20].

Сложность отражает разнообразие институтов, технологий, компетенций и связей, доступных системе. Факт: падение сложности часто предшествует распаду – это зафиксировано в исторической макросоциологии [13]. Упорядоченность отражает качество институтов, предсказуемость среды, низкую коррупцию. Факт: высокая сложность при низкой упорядоченности порождает хаос, а не устойчивость [19]. Осмысленность отражает наличие долгосрочного Проекта и разделяемого обществом образа будущего. Факт: системы, утратившие образ будущего, демонстрируют снижение способности к коллективному действию [44].

ИСУ и ИНР различаются по предполагаемой функции. ИСУ задуман как диагностический инструмент некий «моментальный снимок» состояния суверенитета [38]. ИНР задуман как прогностический инструмент – «траектория», отражающая способность системы к наращиванию негэнтропийного потенциала во времени [42]. Гипотеза о расхождении индексов состоит в следующем: система может сохранять высокие значения упорядоченности при падающей сложности и утрате осмысленности. ИСУ в такой ситуации будет показывать приемлемые значения – иллюзию стабильности. ИНР, чувствительный к

сбалансированности трёх компонент, будет снижаться [9]. Если эта гипотеза верна, расхождение ИСУ и ИНР может служить ранним индикатором суверенного распада. Но на сегодняшний день это именно гипотеза. Для её проверки требуется разработка объективных индикаторов для каждого из трёх критериев, сбор статистических данных за длительные периоды по выборке государств и проверка корреляции между расхождением индексов и последующими событиями (распад, кризис, реформы). Ничего из этого пока не сделано [3].

Аналогичным образом гипотезой является Закон сжатия и расширения применительно к динамике суверенитета. Исторические примеры, приводимые в его поддержку, носят иллюстративный, а не доказательный характер. Утверждение, что Рим после Пунических войн, Испанская империя после золотого века, Британская империя после 1918 года, СССР после 1945 года и США после 1991 года являются случаями действия Закона распада, – это интерпретация, а не верификация [8]. Для верификации требуется: формализация критериев «мобилизации», «Проекта», «энтропийного скачка»; анализ контрольной выборки (случаи, когда после мобилизации распад не наступил); статистическая проверка значимости. Пока эта работа не проведена, Закон сжатия и расширения остаётся теоретической гипотезой, согласующейся с рядом исторических наблюдений, но не доказанной [14].

То же относится к предлагаемым институтам темпорального суверенитета. Прескриптивный совет – это коллегиальный орган стратегической фильтрации с правом рекомендательного вето на решения, имеющие необратимые долгосрочные последствия. Уполномоченный по правам будущих поколений – это персональный институт оперативного реагирования [1]. Фонд будущих поколений представляет механизм резервирования части ресурсной ренты для долгосрочных проектов. Прескриптивная биржа – это площадка для темпоральных облигаций со сроком обращения от 25 лет. Прескрипториум представляет собой образовательный центр темпоральной компетентности [4]. Всё это проектные предложения, институциональный дизайн которых не прошёл апробации. Частичные аналоги существуют:

Государственный пенсионный фонд Норвегии (1990) представляет собой близкий аналог Фонда будущих поколений и на сегодня является наиболее масштабным примером институционализации межпоколенческой справедливости; должность омбудсмана по правам будущих поколений существовала в Венгрии (2008–2012) и существует в Уэльсе (с 2016); отдельные элементы темпоральной экспертизы встроены в законодательный процесс Финляндии через Комитет по будущему при парламенте [7]. Однако эти примеры единичны, а их эффективность не изучена систематически. Предлагаемая в рамках суверенитологии архитектура темпоральных институтов значительно амбициознее существующих аналогов, и её работоспособность остаётся непроверенной гипотезой [18].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что суверенитология находится в начальной стадии становления. Твёрдо установленным можно считать следующее. Суверенитет не является бинарной переменной – это подтверждается всей практикой XX–XXI веков, от Бреттон-Вудса до цифровых платформ. Существует объективный разрыв между юридическим понятием суверенитета и его фактическим состоянием – это зафиксировано в многочисленных исследованиях по политологии, экономике и международному праву. Интересы будущих поколений институционально не представлены в современных политических системах – это констатация наблюдаемого положения дел, подтверждаемая структурой электоральных и бюджетных процессов всех демократических государств. Презентизм как ориентация политических и экономических акторов на краткосрочные результаты является документированным феноменом, описанным в психологии принятия решений и институциональной экономике.

Всё остальное – гипотезы, требующие проверки. Темпоральный суверенитет как интегратор других измерений – гипотеза. Закон сжатия и расширения применительно к динамике суверенитета – гипотеза. Расхождение ИСУ и ИНР как ранний индикатор распада – гипотеза. Эффективность предлагаемых темпоральных институтов – гипотеза. Программа дальнейших исследований включает: разработку объективных индикаторов сложности,

упорядоченности и осмысленности на основе существующих статистических данных; сбор временных рядов по выборке не менее 30 государств за период не менее 30 лет; ретроспективную проверку корреляции между значениями индексов и исходами (распад, кризис, устойчивое развитие); сравнительный анализ стран, внедривших элементы темпоральных институтов, с контрольной группой; формализацию и статистическую проверку Закона сжатия и расширения. До проведения этих исследований суверенитология остаётся теоретической рамкой с эмпирически обоснованной проблематикой, но без доказанных решений. Данная статья фиксирует именно такое состояние дисциплины как приглашение к исследованиям, а не как свод установленных истин.

Список литературы:

1. Caney S. Justice and Future Generations // Annual Review of Political Science. – 2018. – Vol. 21.
2. COMEST. Report on Future Generations. – UNESCO, 2023.
3. Future Justice / Ed. by H. Smith. – London: Routledge, 2015.
4. Göpel M. The Great Mindshift. – Berlin: Springer, 2016.
5. Jonas H. The Imperative of Responsibility. – Chicago, 1984.
6. Krznaric R. The Good Ancestor. – London, 2020.
7. MacKenzie M.K. Future Publics. – Oxford: Oxford University Press, 2021.
8. Tonn B.E. Obligations to Future Generations // Futures. – 2009. – Vol. 41, No. 7.
9. Wells T. The Temporal Sovereignty of Future Persons // Journal of Moral Philosophy. – 2016. – Vol. 13, No. 5.
10. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные – М.: АСТ, 2015.
11. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем // Системные исследования. – М.: Наука, 1969.
12. Боден Ж. Шесть книг о государстве. – М.: Мысль, 1999.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – М.:
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
15. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001.
16. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.
17. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.
18. Доклад Комиссии Брундтланд «Наше общее будущее». – М.: Прогресс, 1989.
19. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. – М.: АСТ, 2014.
20. Кеннеди П. Взлёты и падения великих держав. – М.: Прогресс, 1992.
21. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015.
22. Крастев И. После Европы. – М.: Дело, 2018.
23. Нерсисян Р. С. Закон распада: фундаментальная монография. – М., 2026.
24. Нерсисян Р. С. Запрос на смыслы. – М., 2026.
25. Нерсисян Р. С. Переосмысление времени: темпоральный суверенитет как фактор государственного развития. – М., 2026.
26. Нерсисян Р. С. Презентизм: фундаментальная патология современности. – М., 2026.
27. Нерсисян Р. С. Прескриптология. – М., 2026.
28. Нерсисян Р. С. Темпоральная метатеория как интегральная парадигма. – М., 2026.
29. Нерсисян Р. С. Темпоральная политология. – М., 2026.
30. Нерсисян Р. С. Темпоральная субъектология. – М., 2026.
31. Нерсисян Р. С. Темпоральная цивилизация как новый прескрипт. – М., 2026.
32. Нерсисян Р. С. Темпоральный суверенитет и Закон Нерсисяна. – М., 2026.
33. Нерсисян Р. С. Универсальный закон мироздания «Сжатие и Расширение». – М., 2026.
34. Нерсисян Р. С. Эволюция хронологии. – М., 2026.

35. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997.
36. Олсон М. Логика коллективных действий. – М.: ФЭИ, 1995.
37. Остром Э. Управляя общим. – М.: ИРИСЭН, 2011.
38. Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. – ООН, 2015.
39. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. Прогресс, 1986–1992.
40. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: НГУ, 1995.
41. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Канон-пресс, 1998.
42. Талер Р., Санстейн К. Nudge. – М.: МИФ, 2017.
43. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.
44. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
45. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004.
46. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980.
47. Хантингтон С. Третья волна. – М.: РОССПЭН, 2003.
48. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016

